

А.А.Бурыкин (Санкт-Петербург)

И.В.Кормушин. Удыхейский (удэгейский) язык. Материалы по этнографии. Очерк фонетики и грамматики. Тексты и переводы. Словарь. М., "Наука", 1998. 320 с.

Опубликовано в кн.: Известия РАН, серия литературы и языка, 2000, N 2. С.69-73.

Серия монографических описаний и публикаций материалов по тунгусо-маньчжурских языкам, подготовленных сотрудниками Института языкознания РАН, пополнилась новым изданием, посвященным языку удэгейцев, или как пишет автор, удыхейцев*. До известной степени рецензируемая книга является продолжением исследований по языкам, численность этнических носителей которых не превышает 3000 человек, и сопоставима по объему и составу представленного в ней материала с такими работами, как книга В.И.Цинциус "Негидальский язык" (Цинциус 1982) и труд О.П.Суника "Ульчский язык" (Суник 1986).

Компоновка книги традиционна для подобных описаний: работа включает историко-этнографическое описание удэгейского этноса (с. 5-34), очерк фонетики и грамматики (с. 35-102), тексты на удыхейском языке с переводом (с.103-200), и удыхейско-русский словарь (с.201-315). В том, что собственно материалы по языку занимают две трети объема книги, можно видеть одно из ее достоинств, поскольку ранее тексты на удыхейском языке были практически недоступны для специалистов, и публикация текстовых материалов являлась одной из основных целей труда автора. Однако рецензируемый труд обладает рядом ярких достоинств по сравнению с аналогичными упомянутыми выше описаниями негидальского и ульчского языков как по фактическому материалу, так и по способам его преподнесения читателям.

Историко-этнографическое введение с заголовком "Материалы по этнографии удыхейцев" и по объему, и по содержанию выходит за рамки обычной историко-этнографической справки - оно без преувеличения является оригинальным и ценным вкладом исследователя в этнографическое изучение народов Приамурья и Дальнего Востока. Основываясь на собственных полевых материалах, автор дает

характеристику этноязыковой ситуации у современных удыхейцев, описывает орудия охоты, средства транспорта, особенности духовной культуры, верования и культ медведя, погребальные обряды.

Работа И.В.Кормушина является первым исследованием, в котором детально рассматривается диалектный состав удыхейского языка - и к досаде, видимо, последним исследованием в этой области, так как собрать материалы по отдельным диалектным группам, например, по языку самаргинских удыхейцев (северо-восток Приморского края) ныне уже не представляется возможным. Классификационная отнесенность удыхейского и ороцкого языков к северной группе тунгусских языков, предложенная автором ранее и подтвержденная в рецензируемой работе, в целом не вызывает возражений, поскольку в этом случае более последовательно выдерживается принцип соотнесенности таких традиционных классифицирующих признаков, как рефлексы общетунгусо-маньчжурских согласных *p'- и *k'- в виде h и # соответственно, а также и рефлекс гласного *и^y (по В.И.Цинциус) в виде и, как в севернотунгусских языках (эвенкийском, эвенском, солонском, негидальском). В ходе самостоятельных сравнительно-морфологических разысканий автору удалось установить, что в области склонения удыхейский язык и близкородственный ему ороцкий язык также более близки севернотунгусским языкам, а их глагольная система обнаруживает черты перестройки под влиянием южнотунгусских языков - нанайского, ульчского, отчасти маньчжурского (см. с. 11). Эти данные интересны сами по себе для сравнительно-исторического изучения тунгусо-маньчжурских языков, но в рассматриваемой работе они играют важную роль также для характеристики этнической истории удыхейцев.

Описание звукового строя удыхейского языка выполнено автором на основе данных слухового анализа без привлечения результатов экспериментально-фонетических исследований. Видимо, лингвистам придется смириться с тем, что экспериментальные исследования звукового строя языков народов Севера значительно отстают от потребностей изучения фонетики и фонологии, а меняющаяся языковая ситуация резко сужает дальнейшие возможности проведения таких исследований. На сегодняшний день только хантыйский и энецкий язык имеют полное описание звукового строя на основе экспериментальных исследований: для ряда языков (чукотский, долганский,

нганасанский, нивхский языки) имеют описания либо только вокализм, либо только консонантизм; у некоторых языков (эвенкийский, ненецкий, селькупский) не получили описания наиболее репрезентативные диалекты, лежащие в основе письменных языков. На фоне этой довольно минорной картины квалифицированное детальное описание системы гласных и согласных удыхейского языка, выполненное автором и впервые представленное вниманию читателей, является заметным вкладом в изучение фонетики тунгусо-маньчжурских языков. Отчасти это описание следует за описанием фонетики удгейского языка Е.Р.Шнейдера, в частности в трактовке так называемых "прерывных" и "аспирированных" гласных, однако автором отмечено, что гортанный смычный и фарингальный [h] фактически превращаются в самостоятельные фонемы, утрачивающие статус различительных признаков гласных (с. 61, 65).

Таким образом, в рассматриваемой работе оказываются преодоленными одновременно и излишняя экзотичность описания удыхейской фонетики, известная языковедам с 30-х годов (со времени публикации трудов Е.Р.Шнейдера), и некоторая упрощенность трактовки системы фонем удыхейского языка, характерная для работ О.П.Суника (Суник 1968; Суник 1997). Любопытны наблюдения автора над удыхейским ударением: согласно данным слухового анализа автора, на первом слоге слова размещается силовое ударение, на последнем слоге отмечается музыкальное повышение тона (с.84). Сходная картина получена на материале эвенкийского и нанайского языков (Андреева 1987; Радченко 1985): это позволяет думать, что в тунгусо-маньчжурских языках представлено словесное политоническое ударение, имеющее в основном перцептивную (словоопознавательную) функцию. Возможно, в дальнейшем при анализе магнитофонных записей речи удыхейцев кому-либо удастся обнаружить разные типы тональных контуров удыхейских слов.

Компактный и вместе с тем содержательный очерк морфологии удыхейского языка (с.84-101) делает материал этого своеобразного языка доступным для читателей и сопоставимыми с материалом других тунгусо-маньчжурских языков. Отметим, что морфологический раздел книги И.В.Кормушина оказывается и наиболее полным из опубликованных описаний удыхейской грамматики, поскольку предшествующие очерки по этому языку отличались некоторой

фрагментарностью и неполнотой в освещении морфологического строя, в особенности словообразования и глагольного формообразования.

В рецензируемую книгу включены 19 образцов фольклора удыхейцев, представляющих сказки и предания-тэлун"гу, и извлеченных выборочно из богатого собрания автора (судя по их номерам, в собрании И.В.Кормушина имеется более 50 удыхейских фольклорных текстов). Хотя задача лингвистической монографии по северным языкам обычно сводится к представлению текстового материала, надо особо отметить, что данная работа вносит весомый вклад в изучение и публикацию образцов фольклора удыхейцев, поскольку ранее доступные материалы по фольклору данного этноса сводились к единичным разрозненным текстам. После книги Е.Р.Шнейдера "Материалы по языку анюйских удэ" (Шнейдер 1937), сохранившейся в единичных экземплярах и и поэтому почти недоступной, книга И.В.Кормушина - это второе собрание удыхейских фольклорных материалов на удыхейском языке и в русском переводе с подлинника.

Фольклорные материалы, собранные и обработанные автором, оказываются довольно разнообразными и существенно расширяют наши представления об устном творчестве удыхейцев и народов Приамурья в целом. В корпусе собрания заметное место занимают волшебные сказки с разными сюжетами, типологически сходные со сказками ульчей и нанайцев и представляющие особый региональный тип сказочных повествований с неустойчивыми сюжетами (аналогичная сюжетная неустойчивость отмечалась для якутских олонхо; она характерна также для эвенкийских и в особенности эвенских эпических сказаний). Сказки о животных (NN 16-17, 27-29, с.125-126, 137-148), вероятно, относящиеся к общетунгусскому фольклорному пласту, хотя и не демонстрирующие явных аналогий с известными публикациями образцов животного эпоса эвенков, эвенов или нанайцев. Рассказ о похождениях лисы (N 30, с. 148-164) обладает чертами сходства с аналогичными сказками эвенков и эвенов.

Безусловно, заслуживают самого пристального внимания уникальные образцы мифологических рассказов удыхейцев, зафиксированные автором. Из двух мифов об отношениях медведя и человека один текст, повествующий о браке женщины с медведем (N 19, с. 127-132) имеет поразительную сюжетную аналогию в эвенской сказке с мотивом измены жены мужу (Schiefner 1874, 348-

350). Превращение мифологического рассказа в сказку с романтическим сюжетом наводит на мысль о том, что по крайней мере часть тунгусских сказочных сюжетов, содержащих мотив супружеской измены или похищения брачного партнера, восходит к мифологическим рассказам о браке человека и животного. Другой мифологический рассказ (N 35, с.175-176), в котором регламентируется вид оружия, используемого на медвежьей охоте, относится к редкому типу медвежьих мифов, известному в очень ограниченном числе вариантов. Рассказ о Вороне (N 20, с.132-137) привлекает внимание тем, что явно по своему содержанию примыкает к вороньему эпосу у северо-восточных палеоазиатов, мотивы которого имеют параллели в фольклоре тунгусо-маньчжурских народов (Мелетинский 1979). Необходимо отметить также еще один уникальный мифологический текст с мотивом инцеста (N 32, с.164-171), который мог бы стать темой отдельного историко-типологического исследования. Отрадно отметить, что в последние два года фольклористам-тунгусоведам стали доступны сразу несколько сходных по содержанию рассказов, записанных в нескольких версиях у удэгейцев (Фольклор удэгейцев 1998, 355, 448-449, 450-452) и орочей (Березницкий 1999, 72-77).

Образцы удыхейского фольклора, опубликованные в рецензируемой книге, являются также и ценным этнографическим источником. Один из текстов - "Семь людоедов" (N 7, с.115-116) содержит фрагмент шаманского камлания с предсказанием будущего. Отметим, что обрядовые тексты, извлекаемые из фольклорных повествований, имеют в наши дни не меньшую значимость, нежели аутентичная фиксация шаманских ритуалов, а в плане изучения восприятия традиционной обрядности они неизмеримо более ценны, нежели свидетельства современных информантов. Любопытно и описание жертвоприношений удыхейцев духу-хозяину местности после перехода через перевал (N 14, с.123), весьма похожее на аналогичные обряды у эвенов и монголоязычных народов.

Публикация словарных материалов по удыхейскому языку, составляющая заключительную часть рецензируемой монографии, имеет ряд особенностей по сравнению с упоминавшимися выше трудами В.И.Цинциус и О.П.Суника по тунгусо-маньчжурским языкам. Словарные статьи книги И.В.Кормушина имеют отсылки к "Сравнительному словарю тунгусо-маньчжурских языков" (т. I-II, Л., 1975-1977), а лексический материал, не вошедший в названный словарь выделен

уже самим отсутствием ссылок на этот словарь за лексикографическим знаком "шпалы". Такая обработка материала делает работу со словарем весьма удобной на предмет выявления фактов, не учтенных "Сравнительным словарем тунгусо-маньчжурских языков", для дальнейших лексикологических и этимологических исследований. По сравнению с предшествующими сводками удыхейской лексики в рецензируемой работе увеличен объем диалектных помет.

Новые словарные материалы по удыхейскому языку, содержащиеся в рассматриваемой книге, представляют большой интерес для изучения языков и этнографии тунгусо-маньчжурских народов. В словарной статье ко'аси- 'играть в кожаный мяч' дается краткая характеристика одной из зимних игр удыхейцев: аналогичная игра под другим названием "Бойокан" подробно описана у нанайцев (Бельды 1989, 56) и отмечена у других народов Северо-Востока Азии. Фиксация слова *хатала* 'дочь' в иманском диалекте (с.305) позволяет исключить возможность заимствования этого слова из нанайского языка, где оно представлено в форме *патала* (при том, что многие удыхейские слова с начальным п- выглядят как южнотунгусские заимствования), и в свою очередь еще раз указать на сомнительность трактовки этого слова как заимствованного в тунгусо-маньчжурские языки из корейского языка (ср. корейск. *ттал* 'дочь' <*птал); все же более правомерно относить такие слова к общеалтайскому лексическому фонду. Слова *до'ло* 'хромой' (Самарга) и *до:лон"* *хули-* (Бикин), *дон'он"* *хули* (Иман, Самарга) 'хромать' (с.228), как можно думать, не являются диалектными фонетическими вариантами, как не укладываются в известные регулярные межъязыковые фонетические соответствия их эквиваленты в других языках - эвенк. *доколок* и эвен. *докла:н*, мн. ч. *докланал* 'хромой' - если эвенкийское *доколок* и удыхейские слова *до:лон"*, *дон'он"* можно считать заимствованными из монгольского *dogulang* 'хромой', то эвенское *докла:н* и удыхейское *до'ло* 'хромой' скорее могут быть отнесены к общей монголо-тунгусо-маньчжурской лексике.

Замечания, которые можно было бы высказать по рецензируемой книге, касаются только одного пассажа введения, где дается характеристика лексического состава удыхейского языка. Автор пишет: " Среди слов, не имеющих связи с тунгусо-маньчжурским корнесловом, несомненно должны быть обнаружены слова из языка айну, однако такой анализ еще не проведен.

Выявлены некоторые лексические параллели с нивхским языком" (с.12). В самом корпусе книги И.В.Кормушина такие лексические параллели не указаны. Нам не удалось найти фактических подтверждений ни к айнско-удыхейским, ни к дифференциальным нивхско-удыхейским лексическим параллелям. Лексические связи нивхского и удыхейского языков не выделяются из общего фона лексических изоглосс, связывающих нивхский язык с тунгусскими языками Приамурья - восточноэвенкийскими диалектами, негидальским, ульчским, нанайским, ороческим языками, и являющихся следствием взаимных заимствований, культурных заимствований из языков иных групп, а также, очевидно, и проявлением общего лексического фонда нивхского и тунгусо-маньчжурских языков, свидетельствующим о древних родственных связях этих языков. Несмотря на отсутствие лексического материала, подтверждающего удыхейско-нивхские и удыхейско-айнские связи (возможно, он еще проявится) нельзя не отметить одного ареального явления в фонетике, свидетельствующего о возможном влиянии названных языков на формирование прерывных и аспирированных гласных в удыхейском языке. Нивхское слово *m'aφ* 'воздух', по-видимому, заимствовано из айнского языка; ср. айн. *tasu* 'воздух', имеются и другие аналогичные примеры - это означает, что если нивхские аспирированные согласные восходят к сочетаниям смычных с утраченным спирантом следующего слога (нельзя исключать того, что они и до сих пор являются бифонемными сочетаниями, поскольку встречаются почти исключительно в начале слова), то удыхейский язык с его "прерывными" и "аспирированными" гласными в своем развитии представляет более раннюю стадию того же процесса утраты интервокальных щелевых и смычных согласных, которая привела к образованию аспирированных согласных в нивхском языке. Так как подобные процессы из всего региона засвидетельствованы только в двух языках - удыхейском и нивхском, можно полагать, что они являются проявлением древних контактов этих языков.

В учтенной автором литературе отмечалось (правда, без приведения фактического материала) наличие в удыхейском языке заимствований из чукотско-камчатских языков, однако это положение не нашло отражения в тексте работы. Между тем данное направление исследования лексики удыхейского языка и языков народов Приамурья нельзя не признать перспективным. В

частности, рассматриваемый автором удыхейский глагол *гэймэ*- 'охотиться на медведя' (с.30), скорее всего образован от существительного, соответствующего чукотскому слову *кэйн"ын* 'бурый медведь' посредством глаголообразующего суффикса -ма-/-мэ- со значением отправления на промысел данного животного. Слово *усо*: ~ *усот* ~ *усугу* 'мясо с ляжек медведя, круглая мышца с задней стороны бедра медведя', видимо, также заимствовано из чукотско-камчатских языков, ср. чукотское *ычвачгын* 'бедро, ляжка (часть туши)'. Названия частей тела медведя и специфическая лексика медвежьего праздника (наряду со словами иных тематических групп), имеющие параллели в общеупотребительной лексике чукотского и корякского языков встречаются и в других языках приамурского региона. Аналогичная система заместительных табуированных наименований прослеживается для слов-названий частей тела медведя во многих тунгусо-маньчжурских языках: ср. эвенк. *лавуйи* 'голова медведя' - чукотск. *левыт* 'голова', эвенк. *тэкэ:вун* 'мясо медведя, ритуальная еда' - чукотск. *тэкичгын* 'мясо (любое)', негидальск. *зэхсэ* 'голова медведя' - чукотск. *ек'аак'* 'нос', нанайск. пиари 'лопатка медведя' - чукотск. *парытлын"ын* 'лопатка (животного или человека)', эвенк. и эвен. диал. *кэки* 'медведь' - чукотск. *кэйн"ын* 'бурый медведь'. Из материалов удыхейского словаря в этой связи отметим также слово *лэхэмэ* 'нижняя часть обуви', сопоставимое с корякским словом *лаг"от* 'короткие торбаса'. Возможно, что удыхейское слово *кутили* 'парус' также восходит к чукотско-корякскому субстрату, ср. чукотск. *тыле-ркын* 'двигается', *тыле-нэн"* 'парус', корякск. *ку-тылэ-н"* 'двигается'. Правда, надо отметить, что и в отношении чукотско-камчатских субстратных элементов удыхейский язык не проявляет какой-то особой специфики в сравнении с другими языками Приамурья, например, нанайским или ульчским.

Книга снабжена подробной библиографией публикаций по культуре и языку удыхейцев. К большой досаде, в библиографии отсутствуют сведения о неизданной работе Л.Р.Зиндера и М.И.Матусевич "Фонетика удэгейского языка" (1937), которая имела бы принципиально важное значение не только для удыхееведения, но и для истории изучения фонетики тунгусо-маньчжурских языков в целом, а также для истории экспериментально-фонетических исследований в лаборатории экспериментальной фонетики Санкт-Петербургского университета.

Работа И.В.Кормушина несомненно, в течение долгих лет будет полезна языковедам и фольклористам, безусловно, внимание к ней должны проявить и этнографы. В заключение хотелось бы отметить, что рецензируемая книга как бы задает новый стандарт монографических исследований по малоизученным и недостаточно документированным языкам малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока - она с одной стороны, определяет основные направления собирания и дальнейшего изучения языкового материала, с другой стороны, как уже выполненное самостоятельное исследование, книга "Удыхейский язык" объединяет в себе достоинства этнографического и лингвистического описания с ценностью и репрезентативностью фольклорного собрания. Существенно и то, что работа автора как бы определяет дальнейшие задачи тунгусо-маньчжуроведения как изучение материальной и духовной культуры этносов с использованием данных языка и применении языка как средства общения с местными жителями, издание фольклорных текстов, изучение ареальных связей языков и вовлечение материалов по лексике тунгусо-маньчжурских языков в орбиту сравнительно-исторических исследований по примеру классической алтаистики.

Примечание

*Нами сохраняется авторское написание названия народа и языка: "удыхейцы" и "удыхейский язык".

Список литературы

Андреева Т.Е. Словесное ударение в дисиллабах эвенкийского языка по экспериментальным данным // Языки Сибири и Монголии. Новосибирск, 1987. С. 152-163.

Бельды В.Ч. Нанайские игры. Хабаровск, 1989. С.56.

Березницкий С.В. Мифология и верования орочей. СПб., 1999.

Мелетинский Е.М.. Палеоазиатский мифологический эпос (цикл Ворона. М., 1979.

Радченко Г.Л. Акцентуация нанайского слова //Исследование языков народов СССР. Новосибирск, 1985. С. 114-131.

Суник О.П. Удэгейский язык // Языки народов СССР. Т.5. Л., 1968. С.210-233.

Суник О.П. Удэгейский язык // Языки мира. Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М., 1997. С.236-248.

Суник О.П. Ульчский язык. Л., 1986.

Фольклор удэгейцев. Ниманку, тэлунгу, ехэ. Новосибирск, 1998.

Цинциус В.И. Негидальский язык. Л., 1982.

Шнейдер Е.Р. Материалы по языку анюйских удэ. Л., 1937.

Schiefner A. Baron Gerhard von Maydell's Tungusische Sprachproben // Melanges Asiatiques, vol. VII, livraisons 2 et 3. SPb., 1874. S.323-377.